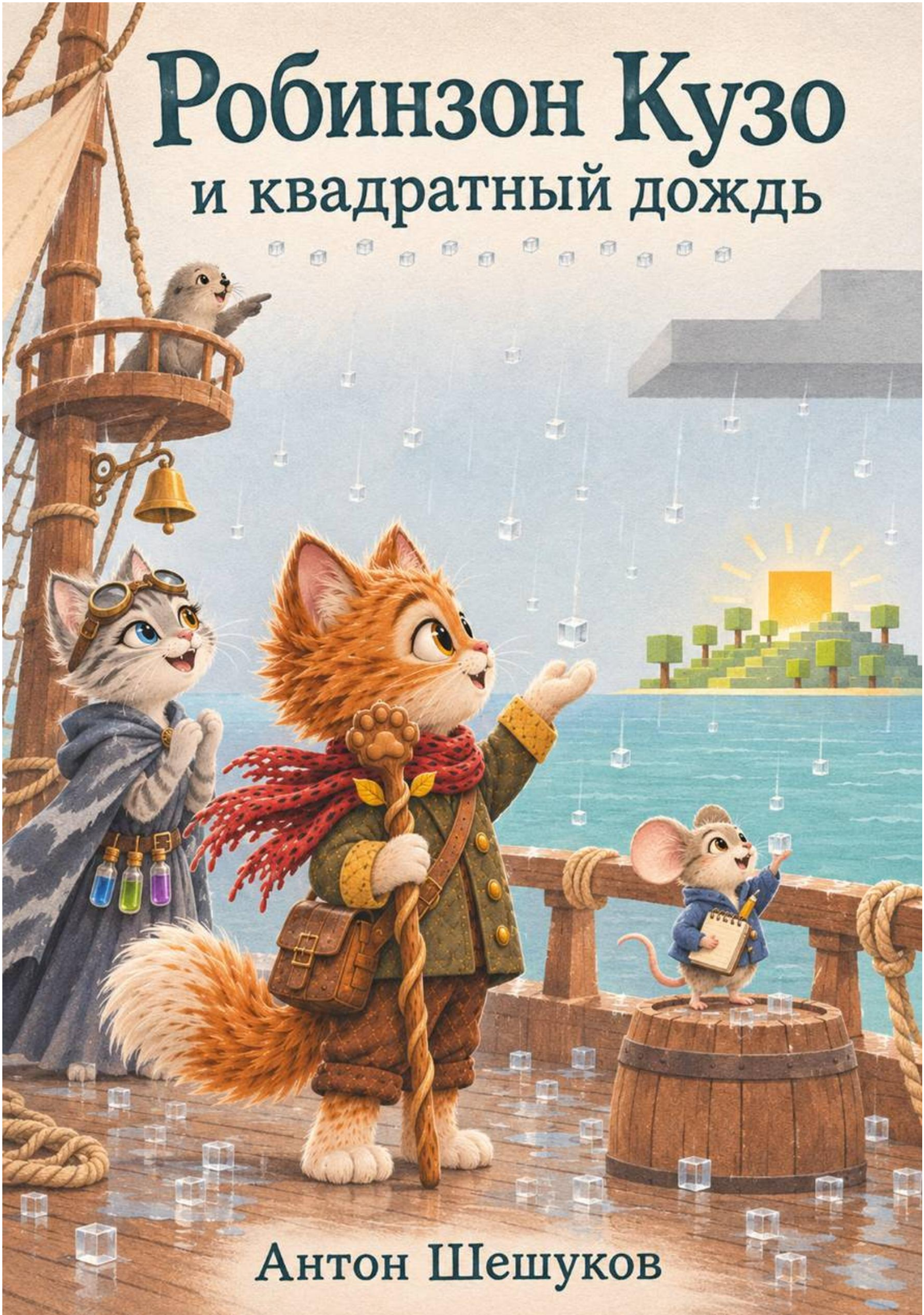
Робинзон Кузо
и квадратный дождь



Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и квадратный дождь

«Автор»
2026

Шешуков А.

Робинзон Кузо и квадратный дождь / А. Шешуков — «Автор», 2026

Вега впервые ждёт дождя — но вместо обычных капель на палубу «Сполоха» падают звенящие кубики. Так Кузо и его друзья попадают в Кубоземье, где всё сложено из квадратных блоков, а их корабль рассыпается на части. Чтобы продолжить путь, команде предстоит освоить законы необычного мира, найти новых друзей и вместе построить то, что казалось невозможным.

© Шешуков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дождик, который звенел 6
Глава 2. Корабль рассыпался по клеточкам 9
Глава 3. Успеть до темноты 11
Глава 4. Дед, у которого девять клеток на спине 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и квадратный дождь

Робинзон Кузо и квадратный дождь

Глава 1. Дождик, который звенел

Пуговка просыпалась раньше всех. Не потому, что ей не спалось. Просто у неё было дело.

Она вылезала из своей коробочки под койкой, надевала синюю курточку, открывала блокнот и зачёркивала одну клеточку. Аккуратно, по линейке. Криво зачёркнутая клеточка испортила бы ей весь день.

— Семьдесят восемь, — сказала она шёпотом.

До весны оставалось семьдесят восемь дней. Весной «Сполох» повернёт на север, туда, где живёт мама Кузо. А пока корабль зимовал в тёплых морях, и каждое утро начиналось с клеточки.

Пуговка была мышкой. Маленькой даже для мышки. Она родилась на мельнице тринадцатой из четырнадцати мышат, и мама по вечерам часто сбивалась со счёта и звала её то Крошкой, то Пипеткой. Теперь Пуговка была ученицей парусного мастера и придумывала полезные штуки. Её узлы держали, пока она не шепнёт им «отпусти»: это подарила ей Небесная Важенка, дух северного неба. А всё остальное Пуговка делала сама. Точно. По линейке.

На палубе её уже ждали.

Вега стояла у борта, задрав нос к небу. Серебристая кошка в тонкую тёмную полоску, будто её нарисовали карандашом. Плащ цвета грозового неба, круглые очки на лбу, на поясе пузырьки с разноцветной пылью разных миров. Глаза разные: один голубой, другой медовый.

Вега жила на «Сполохе» всего второй день. До этого её домом была крошечная планета Бусина, где светло всегда и со всех сторон. Там не бывает ни ночи, ни тени, ни моря. И дождя там тоже не бывает.

— Ты давно тут стоишь? — спросила Пуговка.

— С рассвета, — сказала Вега. — Брамс вчера сказал: «Завтра — дождик. Тёплый». Вот я и жду.

— Дождь не придёт быстрее, если на него смотреть.

— Знаю. Но вдруг я пропущу начало? Я хочу видеть, как он начинается. Самую первую каплю.

Пуговка подумала и встала рядом. Она тоже любила видеть, как всё начинается.

Из камбуза вышел Брамс, старый барсук и корабельный кок, с ложкой в лапе. Каждое утро он зачерпывал ею ветер, как суп, и пробовал. Это был его дар: Брамс знал погоду на вкус.

Он попробовал. Почмокал.

— Дождик, — сказал он. — Скоро. Только какой-то… хрусткий.

— Хрусткий дождь? — Пуговка достала карандаш. — Так не бывает.

— Сам знаю, что не бывает. А на вкус — хрусткий. Как сухарик.

Вега не дослушала. Над морем шла туча. Не круглая и пушистая, как полагается тучам, а плоская. С прямыми краями. Будто кто-то вырезал её из серого картона ножницами.

— Это она? — шёпотом спросила Вега. — Туча?

— Она, — сказал Брамс неуверенно. — Наверное.

И пошёл дождь.

Первая капля упала Веге на нос. Звякнула. Вторая стукнула по палубе и подпрыгнула. А потом капли посыпались все сразу. Они звенели о доски, как сахар о блюдце. Прыгали, катились, собирались в уголках прозрачными горками.

Пуговка поймала одну каплю лапкой. Капля была кубиком. Крошечным прозрачным кубиком воды с ровными гранями и острыми уголками. Секунду она лежала на ладошке, холодная и твёрдая, как стекляшка, а потом растаяла и стала обычной мокрой точкой.

— Ой, — сказала Пуговка.

— Как красиво! — Вега кружилась под дождём, раскинув лапы. Плащ развевался. — Так вот он какой! Он звенит! Пуговка, он звенит! В окне не было слышно, что он звенит!

Пуговка открыла рот, чтобы объяснить, что дождь вообще-то не звенит. Потом закрыла. Вега была такая счастливая.

На палубу выскочил Кузо, рыжий кот в красном шарфе. Пуговка знала его уже давно, с самого первого плавания. За ним поднялся капитан Барсур, старый серый кот, сухой и строгий. Барсур подставил лапу, посмотрел на кубик, который на ней таял, и ничего не сказал. Только усы у него дёрнулись.

— Брамс, — сказал он. — Это что?

— Это не я, — сказал Брамс. — Я заказывал тёплый. Про квадратный разговору не было.

Из печи на камбузе высунулся огненный язычок. Это был Уголёк, дух очага «Сполоха». Уголёк был маленький, горячий и очень хвастливый.

— Это что ещё за сухари с неба?! — закричал он. — Они мне в трубу сыплются! Они шипят! Я так погасну!

— Не погаснешь, — сказал Брамс. — Ты Грелка Тридцати Чумов. Сам говорил.

— Говорил, — согласился Уголёк и немного успокоился. Когда-то он и правда грел тридцать чумов, переносных домиков оленеводов из шестов и шкур, и очень этим гордился.

Дождь кончился так же внезапно, как начался. Туча уплыла, не меняя формы. Палуба была усыпана тающими кубиками, и в каждом горело маленькое солнышко.

— Земля! — крикнули сверху.

Это был Шкот, морской котик, вперёдсмотрящий. Он сидел на марсе, площадке на мачте.

— То есть не земля! — поправился он. — То есть земля, но неправильная! То есть идите сами посмотрите!

Все подбежали к борту.

Впереди лежал остров. Берег у него был прямой, будто его провели по линейке. Совсем прямой, без единой бухточки. Деревья на острове стояли зелёными кубами на коричневых столбиках. Холмы поднимались ступеньками. А над островом всходило солнце.

Квадратное.

И оно не плыло вверх плавно, как приличное солнце. Оно шагало. Постоит — и шагнёт на ступеньку выше. Постоит — и ещё шагнёт.

— Вчера тут ничего не было, — сказал Барсур. Он развернул карту. На карте в этом месте было пустое море.

— Я знаю, что это, — тихо сказала Вега. Все повернулись к ней. — Вернее, не знаю. Но видела. Между мирами есть Белизна, сияющая пустота, и миры висят в ней, как бусины на нитке. У каждой бусины своё окно. Однажды я заглянула в окно, где всё было квадратное. Профессор сказал, что это мир-черновик.

Профессором Вега звала Сепия, каракатицу-звездочёта. Он нашёл её котёнком и всему научил. Писал он задом наперёд, как в зеркале, и Вега с детства читала его записки без всякого зеркала. Три года назад Профессор ушёл в один из миров и не вернулся.

— Но миры не плавают по морю, — сказала Вега. — Они висят в Белизне.

— Значит, этот приплыл, — сказал Кузо. — Как бутылка с письмом. Прибился к нашему берегу.

Пуговка смотрела на берег. Там, у самой воды, кто-то стоял. Маленький, неуклюжий, неровный. Он поднял над головой факел и замахал. Влево-вправо. Влево-вправо.

— Машет, — сказала Пуговка.

— Нам? — спросил Брамс.

— Больше тут некому.

Барсур сложил карту. Спрятал её за пазуху.

— Машут — подходим, — сказал он. — Морской закон.

«Сполох» повернул к острову. И тут скрипнула седьмая мачта. Кузо умел слышать в скрипе мачт почти слова, как разговор за стенкой, и сейчас он вздрогнул.

— Что? — спросила Пуговка.

— Она сказала… — Кузо прислушался. — «Углы». Кажется. «Углы, углы, углы».

Пуговка записала в блокнот: «Мачта сказала: углы». И подчеркнула. Два раза. Ровно.

Глава 2. Корабль рассыпался по клеточкам

До острова шли почти весь день. Ветер дул рывками, будто его кто-то включал и выключал, и паруса то надувались, то обвисали. А чем ближе был остров, тем страннее становилось море. Волны сначала были обычными, потом стали ниже, потом совсем пропали. Вода лежала гладкая, как стекло на столе. Когда Пуговка посмотрела за борт, она увидела, что рябь на воде бежит не кругами, а квадратиками.

— Мне это не нравится, — сказал Брамс.

— Тебе не нравится всё, что нельзя положить в кастрюлю, — сказал Уголёк из печки.

— Вот именно.

«Сполох» шёл медленно. Барсур сам стоял у штурвала. Фигурка с факелом на берегу всё махала и махала. Теперь было видно, что она маленькая, ростом с Пуговку, если Пуговку поставить на табуретку. И что одна нога у неё короче другой.

Нос корабля мягко ткнулся в песок.

И раздался хруст.

Не страшный, не громкий. Такой бывает, когда опрокидываешь коробку с кубиками на ковёр. Хр-р-русть. Пуговка почувствовала, как палуба под ней разом стала другой. Доски больше не гнулись. Они стали ровными брусками и разъехались в стороны.

А потом «Сполох» рассыпался.

Весь. Борта, палубы, трапы, бочки, шлюпка, камбуз — всё разошлось на кубики, как пирамидка, у которой выдернули стержень. Кубики посыпались на песок с глухим стуком: тук, тук, тук-тук-тук. Друзья съехали вниз вместе с ними и оказались на берегу. Все. Целые. Посреди огромной груды блоков.

Пуговка села. Посмотрела на свои лапы.

Лапы были квадратные.

Не совсем, конечно. Это были её лапки, мышиные, с её коготками. Но сложенные из маленьких кубиков, как будто кто-то нарисовал Пуговку на клетчатой бумаге и закрашивал только целые клеточки. Она потрогала ухо. Ухо было квадратное. Хвост — тонкий, прямой, из кубиков в ряд.

— Пуговка, — сказал кто-то сзади голосом Брамса. — Ты только не пугайся.

Она обернулась. Перед ней сидел Брамс. Вернее, сидел ровный полосатый кирпич с носом. Чёрно-белые полоски на морде шли ступеньками.

— Я не пугаюсь, — сказала Пуговка. — Я записываю.

Но блокнот в её лапе тоже был квадратным. И карандаш — квадратной палочкой. Писать им было неудобно, но можно.

Остальные сидели вокруг. У Кузо хвост стал столбиком из рыжих кубиков и, когда Кузо им махал, стучал по песку, как палка. Шарф торчал красными уголками. У Барсура усы вытянулись прямо, как спицы. Круглые очки Веги сделались квадратными, и Вега смотрела сквозь них, как сквозь два окошка.

— Интересно, — сказала Вега. Она старалась говорить спокойно, но голос дрожал. — Очень интересно.

Кузо полез в сумку. Там у него хранились самые дорогие вещи. Тыквочка со сверчком Цюй-Цюем — подарок с корабля сокровищ. Ложка-компас, которая в тёплой лапе показывает, где твой дом. Тыквочка стала кубиком. А медная монетка на красной нитке, что висела у Кузо на шарфе, стала квадратной, с квадратной дыркой.

— А она и раньше была почти такой, — сказал Кузо. — Внутри.

Изнутри тыквочки неуверенно стрекотнул Цюй-Цюй. Живой. Кузо выдохнул.

— Эй! — раздалось из груды блоков. — Эй, вы! Меня забыли! Вытащите!

Голос шёл из каменного ящика с дверцей. В дверце горел огонь.

— Уголёк? — Брамс подбежал к ящику.

— Я печь! — закричал Уголёк. — Я теперь каменная печь! Квадратная! С дверцей! Какой позор! Грелка Тридцати Чумов — в ящике!

— Ты всегда был в печке.

— В круглой! В душевной! А это ящик!

Шкот плюхнулся в воду, вынырнул и отфыркался. Он один не расстроился: в воде ему всегда было хорошо, хоть в квадратной, хоть в какой.

— Я посмотрю, где наше море! — крикнул он и поплыл.

Далеко, у самого горизонта, вода была другая — живая, синяя, с настоящими волнами. Там было их море. Шкот плыл к нему быстро, как умеют только морские котики. Плыл, плыл… И не приближался.

Он вернулся усталый и сердитый.

— Не пускает, — сказал он. — То есть пускает, но не туда. То есть плывёшь, а оно не подплывает.

Все замолчали. Пуговка огляделась.

Груда блоков, которая только что была «Сполохом», лежала на песке. Доски. Бочки. Свёрнутые паруса. Канаты, сложенные кубиками, как макароны в коробке.

А над грудой стояли мачты.

Семь мачт. Они не рассыпались. Они стояли на песке ровной цепочкой, как стояли на палубе. Высокие, золотые, гладкие. И круглые.

Пуговка смотрела на них и не могла насмотреться. Во всём этом квадратном мире, где даже солнце было с углами, они были единственным круглым. Ветер — квадратными порывами — обходил их стороной. Мачты тихо скрипели. Все семь. По-своему.

— Мачты целы, — сказал Кузо. И, кажется, впервые за весь день улыбнулся.

Барсур долго смотрел на груду. Потом на мачты. Потом опять на груду. Он молчал так долго, что Брамс начал беспокоиться.

— Корабль есть, — сказал наконец Барсур. — Он просто разобран.

Пуговка подняла голову. Вот это она понимала. Разобранное собирают. Это просто задача. Большая, но задача.

— Значит, соберём, — сказала она.

Кузо подошёл к груде и поднял доску. Доска была длинная, тяжёлая. Но как только он взялся за неё покрепче, она дрогнула, сжалась и стала маленьким кубиком размером с кусочек сахара. Кузо чуть не выронил его.

— Она… уменьшилась.

— Положи в сумку, — сказала Пуговка. Она уже поняла правило. — Здесь так носят вещи.

Кузо положил. Кубик лёг в сумку легко, будто ничего не весил.

— А где тот, кто махал? — спросила Вега.

Все обернулись. На берегу никого не было. Только следы уходили от воды в холмы: один след глубокий, другой мелкий, один длинный, другой короткий. Будто шёл кто-то с разными ногами.

— Может, испугался, — сказала Пуговка. — Нас. Мы для него, наверное, тоже странные.

Вега смотрела на небо.

— Солнце, — сказала она. — Посмотрите на солнце.

Квадратное солнце висело низко над холмами. И шло вниз. Шажок. Шажок. Ещё шажок.

— Скоро стемнеет, — сказала Вега.

— И нам негде ночевать, — сказал Брамс.

А по песку от их ног уже тянулись тени. Квадратные.

Глава 3. Успеть до темноты

— Нам нужна крыша, — сказал Барсур. — Быстро.

Он не сказал «почему». Но все и так почувствовали. Тени на песке становились всё длиннее, и в них было что-то неправильное. Слишком густое. Как будто темнота здесь была не просто темнотой, а чем-то, что приходит.

Брамс огляделся, увидел невысокий холм у края пляжа и потёр лапы.

— Крыша будет, — сказал он. — Я барсук или кто?

Барсуки — лучшие копатели на свете: когти у них крепкие, как лопатки.

Брамс ударил лапой в склон холма.

Тук. На склоне появилась трещинка.

Тук. Трещинка стала больше.

Тук! И кусок холма, ровный, квадратный, выпал и сжался в маленький земляной кубик. Брамс поймал его на лету.

— Ого, — сказал он и посмотрел на свои лапы с уважением. — Ого-го.

Дальше дело пошло быстро. Брамс копал так, что земляные кубики летели за ним, как семечки из кулька. Тук-тук-тук. Кузо их ловил и складывал в сумку. За несколько минут в холме появилась пещерка. Невысокая, но все поместились бы.

— Лучше любой каюты, — сказал Брамс, вылезая. Нос у него был в земле. — Стены ровные, углы ровные. Тут даже подметать удобно.

— А дверь? — спросила Пуговка.

Дверей не было. Вход в пещерку зиял чёрной дырой.

Пуговка посмотрела на груду блоков, что недавно были кораблём. Двери «Сполоха» там, наверное, тоже лежали. Но найти их до темноты в этой куче было невозможно.

Рядом, на краю пляжа, росло дерево: зелёный куб листьев на столбике из бурых кубиков. Пуговка подбежала и стукнула по столбику. Ничего. Она маленькая, а дерево большое.

— Дай-ка, — сказал Кузо. Он ударил лапой раз, другой, третий. На пятый раз кусок ствола выпал и сжался в кубик-бревно. Кузо отдал его Пуговке.

Пуговка держала бревно в лапах и думала. Здесь всё было из кубиков. Если всё из кубиков, то, наверное, кубики можно складывать во что-то новое. Как буквы складывают в слова.

Она взяла бревно в одну лапу, а другую поднесла снизу. И вдруг на ладошках проступила еле заметная сетка. Четыре светлые клеточки, две сверху, две снизу.

Пуговка затаила дыхание. Положила бревно в одну клеточку.

Вспышка. Лёгкий щелчок, будто сломали сухую веточку. И на ладошках лежало уже не бревно, а четыре ровные доски. Будто бревно само знало, как его распилить.

И ещё — что-то влетело ей в грудь. Маленькая зелёная искорка. Тёплая. Пуговка ойкнула.

— Ты видел? — шёпотом спросила она Кузо.

— Видел. Что это было?

— Не знаю. Но, по-моему, это значит «молодец».

Пуговка попробовала ещё. Две доски одна над другой. Вспышка — и вместо них палки. Ещё доски в другом порядке — ничего, только облачко пыли. Так не годится. Значит, тут важно не только что положить, но и куда.

Солнце сделало последний шажок и спряталось за холмы.

И пришла ночь.

Она пришла не сверху, как дома, а отовсюду. Тени отклеились от земли и поднялись. Они были похожи на кусочки ночи, нарезанные кубиками. Мягкие, бесшумные, без лиц. Только посередине у каждой тлели две тусклые точки, будто угольки, которые почти погасли.

— Раз-бе-рём, — шептали они. — Раз-бе-рём.

Одна тень подплыла к земляному кубику, который Брамс уронил у входа. Коснулась. И кубик рассыпался в мелкую крошку, а крошка — в пыль. Тень постояла над пылью и поплыла дальше.

— Внутрь, — тихо сказал Барсур. — Все.

Но в пещерке было темно. А в темноте тени чувствовали себя дома. Уголёк горел в своей каменной печи, но свет выходил только из дверцы: маленький рыжий квадратик на песке. На всех его не хватило бы.

— Паруса! — вдруг сказал Кузо. — Наши паруса светятся по ночам!

Он бросился к груде. Брамс за ним. Барсур рыкнул им вслед, но и сам пошёл. Паруса «Сполоха» всегда светились в темноте. Тихо, мягко, как спящие светлячки. Кузо выдернул из груды свёрнутую парусину, и она сжалась в кубик у него в лапе. Он поставил кубик на песок. Кубик развернулся в блок, а блок засиял.

Тени отпрянули.

Там, где был свет, их просто не стало. Будто свет их не прогонял, а отменял. Тени остались у края светлого круга. Стояли, покачивались и шептали.

— Тьма — это просто отсутствие света, — сказал Барсур. Он сам удивился, что сказал это вслух. — Я так в молодости говорил. Не думал, что пригодится.

Они поставили светящиеся блоки у входа в пещерку. Потом вокруг мачт. Мачты стояли на берегу, вдали от пещерки, и Кузо не мог оставить их в темноте. Тени кружили у границы света, но не входили.

Пуговка сидела у входа и смотрела. Ей было страшно. Не так, чтобы хотелось кричать. А так, что внутри всё время было холодно, как будто проглотила кубик дождя.

— Пора, — сказал Барсур.

Пуговка не поверила.

— Вы что, пойдёте считать мачты? Сейчас?

— Каждый вечер, — сказал Барсур. — В шторм и в штиль.

— Кто считает — тот не теряет, — сказал Кузо. Так говорил его дедушка, старый капитан Сивер.

И они пошли. Через светлую полосу, мимо теней, к мачтам. Барсур положил лапу на первую.

— Раз.

Мачта скрипнула. Низко, по-боцмански. Звук был круглый, мягкий, совсем не похожий на здешнее «тук». Тени качнулись.

— Два. Три. Четыре. Пять.

— Шесть, — сказал Кузо. Шестая отозвалась хрипловато, будто простыла много лет назад.

— Семь.

Седьмая задребезжала. Весело, будто смеялась про себя. Словно никакой ночи и не было.

Тени не ушли. Но они больше не шептали. Они стояли у края света и… слушали. Пуговка была в этом уверена. Как слушают музыку в чужом окне.

Барсур поднял голову к небу. Звёзды здесь были квадратные. Мелкие, белые, ровные, как клеточки в тетради. Барсур умел чувствовать звёзды даже сквозь тучи. Это был его дар. А сейчас он смотрел на них, как на незнакомцев.

— Не двигаются, — сказал он. — Приколочены.

Потом они лежали в пещерке. Брамс храпел. Вега тихо сопела, обняв свои квадратные очки. А Кузо смотрел на светящийся блок паруса у входа и думал. Паруса всегда светились, сколько он их помнил. Он никогда не спрашивал почему. А сегодня они встали между друзьями и темнотой. Свет у них был тёплый и чуть-чуть дрожал, будто дышал. Кузо не сводил с него

глаз, и в голове сама собой зазвучала одна мелодия, пять нот. Из тех, что знаешь всю жизнь, а откуда — не помнишь. Он промурлыкал её под нос.

— Пуговка, — шёпотом сказал Кузо. — Ты спишь?

— Нет. Я записываю.

Она записала в блокнот: «Бревно в лапах — четыре доски. Важно, куда класть. Тени не любят свет. Паруса нас сберегли».

Подумала и дописала: «Почему?»

Рецепт дня: доски (в лапах, на четырёх клетках)

бревно #

# #

Выходит: четыре доски.

Глава 4. Дед, у которого девять клеток на спине

Утром тени исчезли, будто их и не было. Квадратное солнце вышло из-за холмов шажками, и всё стало золотым и резким, с чёткими краями.

Пуговка первым делом зачеркнула клеточку. Семьдесят семь. Квадратным карандашом зачёркивать было неудобно, но она справилась. Ровно.

— Пойдём искать того, кто махал, — сказала она.

Следы с разными ногами уходили в холмы. Друзья пошли по ним. Шкот остался у мачт: кто-то должен был сторожить корабль, даже если корабль пока лежал грудой. Уголёк ворчал из своей печи, что его не берут, но идти печи, как ни крути, было не на чем.

За холмами лежала деревня.

Девять домов стояли квадратом, три на три, ровно, как в крестиках-ноликах. Дома были из досок и камня, с квадратными окнами и квадратными трубами. Из труб шёл дым — тоже кубиками. В средней клетке, где у других деревень бывает площадь, стоял колодец.

У колодца собрались жители. Маленькие квадратные человечки, ростом Брамсу по пояс, в одинаковых рубашках разных цветов. У них не было пальцев, только ладошки-кубики, но вещи они держали так ловко, будто пальцы всё-таки были. Увидев гостей, человечки замерли. Самый маленький спрятался за ведро.

— Здравствуйте, — сказала Пуговка. Вежливо. Точно.

Человечки молчали. Потом расступились.

К гостям шёл стол.

Обычный деревянный стол на четырёх ногах. Старый, потёртый, со щербинками. Ноги у него скрипели, а сам он шагал медленно, как дедушка, который не торопится, потому что торопиться ему некуда. На столешнице была вырезана сетка — девять клеток, три на три. А спереди был ящик с медной ручкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.